

НРАВСТВЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ЛЕСКОВА

Н. С. Лесков в первые два года творчества (1860—61) печатает статьи и заметки в разнородных изданиях — „Указателе экономическом, политическом и промышленном“, „Современной медицине“, „Отечественных записках“, „Русской речи“, „С.-Петербургских ведомостях“, „Северной пчеле“, „Веке“. Тесный контакт установился у него, с одной стороны, с известными шестидесятниками Г. З. Елисеевым, Н. Г. Помяловским, Н. В. Успенским, братьями Курочкиными, Н. В. Шелгуновым, Н. А. Серно-Соловьевичем, сотрудниками артельного журнала „Век“, а с другой, — с личностью неопределённой окраски, редактором „Северной пчелы“ П. С. Усовым. В мае 1861 года он написал фельетон *Последнее слово г. д-ру Аскоченскому*, в котором говорил о своём „полном уважении к „Искре“, как к „струне, звучащей в аккорде общественной прессы“¹, а через год, в мае 1862 года, опубликует статью о петербургских пожарах, в которой заявит о своей полной поддержке правительства. Статьи молодого публициста привлекают внимание редакции „Современника“. Он, в свою очередь, не боится вступить в защиту (правда, со своей позиции) романа Н. Г. Чернышевского, вдохновителя русских народников и в то же самое время предупреждает о невозможности вести революционную пропаганду и агитацию среди простого народа („Овцебык“, 1862 год).

Тематика ранних статей Лескова (1860—61) была связана с вопросами духовного раскрепощения крестьянства, женской эмансипации, положения рабочего класса, врачей; его волнует судьба страны, он думает о путях ее развития и доказывает необходимость экономических и культурных преобразований. Самой же главной задачей публицистики и беллетристики он считает борьбу с любыми проявлениями закабаления человека человеком.

Лесковскую позицию в начале творческого пути характеризуют „пестрые“ и даже (на первый взгляд) противоречивые факты. Это усложняет ее определение. Исследователи называют направление деятельности молодого публициста „легально-либеральным“ (Л. П. Гроссман), „сугубо демо-

---

¹ Фельетон не был опубликован. Копия его хранится в Рукописном отделе Гос. публ. библиотеки им. В. И. Ленина — О. Р., п. № 72, ед. хр. 16.

кратическим“ (Б. М. Другов), „стихийно демократическим“ (И. В. Столярова). Существует даже мнение о политической невоспитанности художника.

Конечно, во взглядах молодого Лескова можно найти и либерализм (народ для него, например, — „младший брат“, он верит правительству и даже царю), и сугубый демократизм (борьба против всяческих остатков крепостничества), и неумение ориентироваться в конкретной политической обстановке. Все это есть. И это отмечено в исследованиях. В изучении мировоззрения начинающего Лескова завершева первая фаза — анализ. Теперь надо найти центр лесковской мировоззренческой системы, вокруг которого в законном порядке расположились бы ее признаки.

Если следователи дают разные характеристики одному и тому же явлению и не могут прийти к общему результату, значит, они рассматривают разные грани явления и оперируют фактами, вторичными по происхождению. Содержание статей Лескова 1860—61 годов убеждает в том, что главная черта его первоначальной позиции, ее центр — нравственно-религиозные тенденции. Подход к злободневным явлениям русской жизни 60-х годов с нравственной точки зрения — вот что отличает прежде всего темпераментного и острого публициста. Его рассуждения на общественные темы заканчиваются нравственными выводами.

Так, в статье *Русские женщины и эмансипация* (1861) Лесков, подобно просветителям 60-х годов, высказывает мысль о том, что производительный труд — залог подлинной свободы личности. Спустя два года в статье *Николай Гаврилович Чернышевский в романе „Что делать“?* (1863) она будет дополнена: необходимо ещё равномерное распределение труда и равномерное распределение результатов труда. Если отметить только эти суждения Лескова, то его легко можно объявить демократом, близким Чернышевскому. Однако цепи его рассуждений нельзя прервать в этом пункте: не оговорены ещё условия, при которых возможен равный производительный труд. Автор романа *Что делать?*, как известно, полагал, что это возможно будет после социальной революции. Мысль же Лескова развивается в другую сторону. Он доказывает необходимость нравственного воспитания каждого в отдельности человека. В статье о русских женщинах автор и убеждал читателя, что производительный труд возможен только после приобретения необходимых способностей. Дело, значит, не в общественных условиях, а в самовоспитании, в способностях. Женщины Соединённых Штатов, — поясняет Лесков, — по-настоящему свободны, потому что обладают такими способностями, а вот француженки получили свободу, не имея способностей к труду, и погрязли в разврате (ибо иначе содержать себя не умеют).

Непосредственно о самоисправлении личности и о помощи ей в деле нравственного совершенствования говорится в статье *Русские люди, стоящие не у дел* (1861). В ней определены те черты (или, говоря словами Лескова, „способности“), которые надо воспитывать или совершенствовать:

способность к труду, гуманизм, честность, сострадание, всепрощение, постоянное совершенствование в духе христианского учения, искреннее стремление (не на словах, а на деле) к равному для всех благу. В качестве нравственного примера назван Роберт Оуэн. Этот человек, „справедливо уважаемый за его честную, гуманную натуру, довёл всепрощение до того, что отвергал уместность самого наказания, видя в преступнике выражение общественной испорченности, и заботился перевоспитать его и приучить к труду в Нью-Ленарке“².

Не случайно перевоспитание человека предлагается начинать с приучения к труду. Лесков повторяет, с одной стороны, библейскую заповедь: в труде добывай хлеб свой, а с другой — находится под влиянием шестидесятников, которые труд рассматривали как равную для всех социальную обязанность.

Английский философ, по мнению Лескова, был одним из истинных друзей человечества, задача которых „состоит вовсе не в том, чтобы отрицать в человеке способность к самоисправлению, а в том, чтобы из жертв нищеты и всяческих заблуждений создать людей, способных жить без нужд и умирать без страха“³. Итак, сострадая, простить и помочь в самоисправлении — вот долг человека по отношению к своему падшему товарищу. „Нет людей, которые бы не стоили человеческого внимания“, — таков лозунг Лескова⁴.

Содержание статей и формулировки главных мыслей не оставляют возможности сомневаться в том, что Лесков с самого начала творчества считал нравственное совершенствование основным путём общественного прогресса

В лесковском понимании самоисправления совмещаются два начала: нравственное и демократическое. Главная забота будущего автора „Левши“ — забота о простом, бедном люде, о жертвах нищеты и заблуждения, которым надо помочь выбиться из нужды, освободиться от невежества и предрассудков и вернуть веру в учение Христа. Необходимо показать народу подлинную христианскую истину. Лесков искренне сожалеет о том, что дух религии и слава Христова чужды многим из его молодых современников.

Не знаем — говорится в статье *Торговая кабала* — когда прорвётся этот отвратительный круговорот отношений торгового люда, а думаем, не скоро [...] та генерация, которую теперь „взвешивают“, ничего не даст хорошего, а она ещё молода, век её длинен, и кора её умственного застоя так крепка, что её не проймёт никакая пропаганда. Дух религии и слава Христова — чужды её понятиям⁵.

Конкретные явления общественной жизни Лесков оценивает, естественно, с нравственной точки зрения. Когда некий Александр Бенедский советовал

² „Русская речь“, 1861, № 52, с. 787.

³ Там же, с. 788.

⁴ Там же.

⁵ „Указатель экономический...“, 1961, № 221, с. 148.

помещикам использовать солдатский труд по заранее установленной низкой цене, его предложение квалифицируется как безнравственное „...желать сдачи солдат в работу по заранее установленной цене..., доступной каждому сельскому хозяину, имея в виду преимущественно его выгоду — безнравственно“⁶. Нищету и преступность он объясняет общественной испорченностью, сторонники немедленной женской эманципации предупреждают, что свобода без способности к труду приведет к упадку нравов и т. д.

Хранительницей нравственных ценностей в лесковских статьях первых лет названа русская христианская церковь. Ряд нравственных правил молодого автора представляют собой, по сути дела, заповеди, пропагандировавшиеся в религиозно-церковных книгах. В уже цитированном отрывке из статьи „Русские люди, стоящие не у дел“, говорится о человеке, который смог бы умереть без страха. Это лесковское желание совпадает с религиозно-церковным призывом жить так, чтобы всегда быть готовым спокойно принять смерть, т. е. каждую минуту иметь чистую совесть, жить не для себя, а для бога.

Лескову, однако приходилось сожалеть о том, что современная церковь, призванная нравственно воспитывать общество, плохо справляется со своей задачей. Хотя мальчишки-приказчики и ходят в церковь, но „выносят оттуда — отмечается в статье „Торговая кабала“ — воспоминания не о славе мира и любви, а об октавистых голосах, в подражание которым режут дома долготетия и анафематства. От них нечего ждать, а между тем в силу обычного течения дел они выйдут в люди, т. е. откроют лавки и, в свою очередь, замордуют еще одно поколение“⁷. Церковь тоже далека от истинной христианской идеи и мало способствует воспитанию у прихожан любви к ближнему, а из-за отсутствия такой любви до сих пор не может разорваться тот заколдованный круг невежества, где люди гибнут (в нравственном смысле), поколение за поколением.

В рассуждениях о нравственных способностях, о совершенствовании, о роли нравственно-религиозных правил, о церкви, хранительнице моральных ценностей угадывается автор будущих известных произведений — *Жития одной бабы, Соборян*, рассказов о „праведниках“.

Помимо нравственных, первые статьи Лескова затрагивают вопросы экономического и культурного порядка. В них говорится о необходимости скорейшего экономического подъема, целью которого являлось бы народное благосостояние, — и о культурных мероприятиях, которые должны были способствовать борьбе с невежеством, наследием векового рабства.

Нужно пролить в массы свет разума, нужно очистить их вкусы, — писал Лесков в статье *Об искоренении пьянства в рабочем классе...* — а все это достигается только образованием масс и допущением их к участию в эстетических наслаждениях. Воскресные

⁶ „Отечественные записки“, 1861, № 3, с. 51.

⁷ „Указатель экономический...“, 1861, № 221, с. 148.

школы, народные театры, клубы, лектории и примеры воздержанности — вот источник отрезвления рабочего класса⁸.

Следует отметить, что среди средств очищения вкусов, искоренения пьянства назван нравственный пример, но не упомянуты радикальные, социально-общественные меры.

Экономические преобразования, культурно-просветительская работа и нравственное совершенствование должны были, по мнению Лескова, превратить русское общество не только в общество народного благосостояния, но и братского единения на началах христианской нравственности. Решающая роль в этом принадлежит, безусловно, нравственному совершенствованию личности.

Прочность этих выводов об особенностях ранней позиции Лескова возрастет, если несколько расширить материал исследования — обратиться к заявлениям и статьям писателя следующих двух-трех лет.

В статье *Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“* (1863) герои революционно-демократического писателя опять-таки характеризуются как высоконравственные люди, искренне заботящиеся о благе ближнего.

Героев романа Чернышевского, — пишет Лесков — называют нигилистами. А между ними и личностями, надоевшими всем и каждому своим нигилизмом, нет ничего общего...; в людях г. Чернышевского прежде всего стремление — дать благосостояние возможно большему числу людей; в нигилистах наших общность интересов только на языке, а на деле жестокосердие⁹.

Ненастоящим нигилистам противопоставлен также Базаров, который имел знания, волю, характер, силу и способность к самостоятельному труду. В мастерской, изображенной Чернышевским, все равны, дело идет честно, „в рабочей семье поселится взаимное доверие, совет и любовь“¹⁰. А на вопрос, что делать? — автор статьи отвечает следующим образом. „освободиться от природного эписиерства откинуть узкие теории, не дающие никому счастья, и посвятить себя труду на основаниях, предоставляющих возможно больше гармонии, в равном интересе всех лиц трудящихся...“. Одним словом, „...нужно только добрых людей (подчеркнуто Лесковым. — А. Л.), каких вывел г. Чернышевский, а их, признаться, мало“¹¹

„Необходимое объяснение“ автора по поводу романа *Некуда* содержит такое недвусмысленное заявление. „В политике я верю Монтескье, что „всякое правительство впору своему народу“, а в социальных наших неуря-

⁸ Там же, 1861, Нр 220, с. 135.

⁹ Н. С. Лесков, Собрание сочинений в одиннадцати томах, т. 10, ГИХЛ, М., 1958, с. 21.

¹⁰ Там же, с. 22.

¹¹ Там же.

дицах, по-моему, виноваты наши мелкие, чересчур своекорыстные, завистливые натурки, наша распущенность, погоня за эффектами, словом, опять виноваты мы сами,

И сами мы должны разоблачить
Своих грехов преступную природу¹².

Разница между первоначальными статьями и только что процитированными материалами лишь в степени точности формулировок, мысли же в них — общие. Эволюция Лескова — это развитие и уточнение тех взглядов, которые проявились уже в первых статьях 1860—61 годов.

Содержание ранних статей Лескова убеждает в том, что в литературе шестидесятых годов XIX века появился человек с оригинальной позицией, которую он темпераментно отстаивал. В ней своеобразно сочетались демократические и нравственные тенденции. Такая позиция в условиях обострения общественной борьбы вызвала критику со стороны основных политических группировок (революционные демократы, реакционеры, либералы). Лескова объявили „неудобным“ писателем.

Сходство лесковских взглядов с толстовскими — очевидно. Однако вряд ли можно говорить о влиянии автора *Войны и мира* на раннего Лескова.

Из появившихся в печати к середине 1861 года толстовских произведений (самая поздняя из рассматриваемых здесь статей Лескова *Русские люди, стоящие не у дел* была опубликована 29 июня 1861 года) могли привлечь внимание молодого публициста, как произведения, в которых ставились вопросы нравственного порядка, автобиографическая трилогия, *Утро помещика, Два гусара, Люцерн, Три смерти*. Лесков в своих статьях и заметках любил для убедительности сослаться на чье-либо мнение. И если бы толстовские мысли заинтересовали его, он непременно упомянул бы об этом. Но имя Толстого ни разу не встречается в упомянутых выше статьях, только в 1869 году Лесков написал рецензию на роман *Война и мир*, где поддерживал толстовскую мысль о народном духе.

Не названо имя Толстого и в автобиографических заметках, хотя в них достаточно подробно говорится о первых выступлениях в литературе, о том, кто и как содействовал начинающему автору.

Нельзя при решении вопроса о влиянии не учесть обстоятельств идейного порядка. Толстовскую систему взглядов рассматриваемого периода еще нельзя назвать демократической. В середине 60-х годов его волновала дворянская идея, он желал лишь очищения совести перед мужиком (*Утро помещика*). Лесков же в 1860—61 годах выступил со статьями, в которых предлагал свои решения вопросов, касающихся положения народа, и при этом его рекомендации всегда учитывали особенности народного ума, настроения, быта, учитывали народные возможности. Уже тогда он был уверен, что „всякому свободному проявлению народного желания — должно

¹² „Библиотека для чтения“, 1864, № 12, с. 6—7.

способствовать¹³ и что надо полагаться „на здравый смысл самого народа“¹⁴. В такой ситуации трудно предполагать, чтобы Лесков оказался в роли ученика Толстого.

Частичное совпадение взглядов этих двух писателей можно объяснить общностью влиявших на них условий. Оба они сформировались в тот период, когда в России усилились нравственные искания. Относительно Толстого это убедительно доказала Е. Н. Куприянова в статье „Просветительские истоки философии и творчества Толстого“. Его переход на позиции патриархального крестьянства она считает закономерным результатом не только его собственной эволюции, но и „столь же закономерным историческим итогом того направления русского общественно-литературного сознания, которое тяготело к философии совершенствования“¹⁵.

Накануне 60-х годов идея нравственного совершенствования была популярной в России. Н. А. Добролюбов в статье о *Губернских очерках* М. Е. Салтыкова-Щедрина (1857), имея в виду настроения, охватившие русское общество после поражения в Крымской войне, отмечал. „...все оживало, все воодушевлялось идти вперед по пути просвещения и нравственного усовершенствования“¹⁶. Лесков в *Печерских антиках* вспоминал о своих киевских годах.

[...] всего более жаль тихих куртин верхнего сада, где у нас был свой лицей. Тут мы, молодыми ребятами, бывало проводили целые ночи до бела света, слушая того, кто нам казался умнее, кто обладал большими против других сведениями и мог рассказать нам о Канте, о Гегеле, о „чувствах высокого и прекрасного“¹⁷.

Далее он сетовал, что теперь (в начале 1880-х годов) там можно слышать только о банках и деньгах, о том, кого во сколько надо ценить на деньги, т. е. говорил опять-таки об упадке нравов. В контексте *Печерских антиков*, как и в контексте творчества Лескова 80-х годов беседы о высоком и прекрасном надо понимать как беседы на нравственные темы.

В неопубликованной статье *Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л. Толстом* (1886) Лесков доказывал, что настроение, подобное толстовскому („уяснить смысл жизни и исправить себя по точному разуму этого смысла“) никогда в России не иссякало и что „тетрадки“ в духе „тетрадок“ графа Толстого встречались всегда. Он ссылается на историю образованного помещика Тверской губернии Остолопова, раздавшего свое имущество бедным, сосланного за это в Сибирь и там распространявшего свои „тетрадки“. В конце 50-х годов они появились уже и в Москве. История странного по-

¹³ „Время“, 1861, № 12, с. 74.

¹⁴ Там же, с. 81.

¹⁵ „Вопросы литературы“, 1962, № 2, стр. 54. Позднее статья вошла в книгу Е. Н. Куприяновой *Эстетика Л. Н. Толстого*, „Наука“, М.—Л., 1966.

¹⁶ Н. А. Добролюбов, *Собрание сочинений в трех томах*, т. 1, ГИХЛ, М. 1950, с. 252.

¹⁷ Н. С. Лесков, *Цит. произв.*, т. 7, ГИХЛ, М., 1957, с. 135.

мещика была замечена печатью, в частности, подробно рассказана на страницах журнала Е. Тур „Русская речь“. „Событие с тверским дворянином.— сообщает Лесков — занимало собою общество в год издания „Русской речи“¹⁸ (т. е. в 1861 году). Известна была обществу и княжна Дондукова-Корсакова, также отдавшая все свое имение в пользу бедных. Полковник Генерального штаба С. И. Трубин, проведя значительное время в разъездах по Сибири, встречал между ссыльными „несколько очень чистых, нравственных людей, которые отличались особенностью своего религиозного взгляда“. Эти люди, „почувствовав, как они сказывали, „неисцелимую язву любви к людям“, не могли видеть горя и страдания, которых так много в мире. Они сначала все раздали или старались раздать, а когда им помешали домашние, они „пошли“, совлеклись всего и пошли пострадать“. Свое рассуждение автор статьи заключил словами: „Такие типы давали нам пятидесятые и шестидесятые годы“.

Приведенные в статье факты свидетельствуют не только о том, что в русском народе всегда были живы нравственно-религиозные тенденции, но также и о внимании самого Лескова к этим тенденциям. Именно они и повлияли на формирование его мировоззрения. У Толстого интерес к религиозным исканиям в народной среде возник несколько позднее, в конце 70-х годов. Тогда же он пришел к выводу о необходимости совершенствования в народном религиозно-нравственном смысле.

Нравственные тенденции в ранней публицистике Лескова — естественный результат влияния на писателя настроений той части русского народа, которая была занята нравственно-религиозными исканиями.

Albert Luzhanovsky

MORALISTIC TENDENCIES IN LESKOV'S EARLY PUBLICISM

The author reconstructs Leskov's moralistic conceptions in the first period of the writer's activity. He analyses Leskov's articles and tries to define their importance for the writer's later work as well as their place in the moralistic current of nineteenth-century Russian literature.

---

¹⁸ ЦГАЛИ, ср. 275, оп. 1, ед. хр. 70.